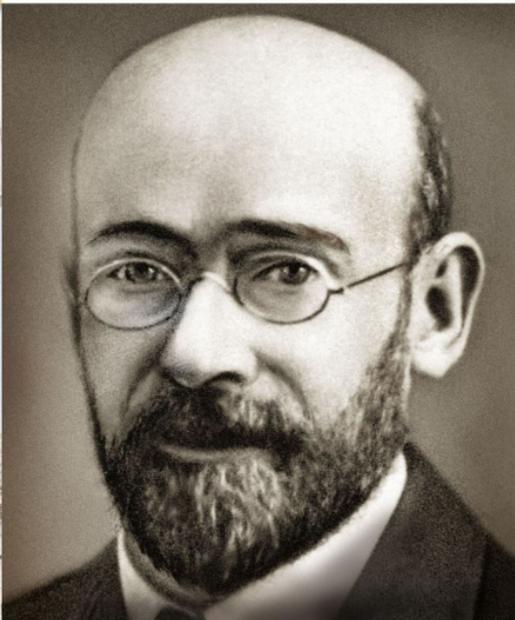


ЯНУШ КОРЧАК



Андрей
Максимоф



ЖИЗНЬ ЗАМЕЧАТЕЛЬНЫХ ЛЮДЕЙ

Андрей Маркович Максимов
Януш Корчак:
Жизнь до легенды
Серия «Жизнь замечательных
людей», книга 1974

*http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=70093354
ISBN 978-5-235-04802-7*

Аннотация

Всем известно: Януш Корчак – великий педагог, который погиб вместе со своими воспитанниками в газовой камере Трешлинка. Он не бросил детей, совершив абсолютный и безусловный подвиг. Ему было 64 года.

Как жил он до этого? Его отец сошел с ума, а в маминой смерти Корчак до конца своих дней винил себя. Всю жизнь он думал о самоубийстве и даже пытался покончить с собой. В юности дал обет безбрачия, однако прожил с женщиной три десятка лет под одной крышей. Обожал чужих детей, но своих не имел. Безусловный гуманист, Корчак тем не менее воевал на трех войнах. И наконец, самое главное: Януш Корчак, без сомнения, – великий педагог, который предложил совершенно новый принцип в отношениях с детьми. Выводы, сделанные

педагогом Янушем Корчаком, будут и сегодня полезны любым родителям, мечтающим видеть в своих детях близких друзей.

Андрей Максимов старается разобраться в этой невероятной, противоречивой и очень интересной судьбе. Так, чтобы разговор был не только увлекателен, но и полезен родителям XXI века.

Содержание

Предисловие	6
Часть первая	24
Глава первая	24
Глава вторая	41
Конец ознакомительного фрагмента.	47

Андрей Максимов

Януш Корчак

Жизнь до легенды

Я все предчувствую, но ничего не знаю... Я ничего не знаю, но все угадываю. Тебе ведомо, Творец, что это значит: всё!.. Я кувыркаюсь через голову, мне всегда будет шестнадцать лет, я буду играть в догонялки, свистеть в два пальца и проиграю все пуговицы с порток. С ног до головы я существо негодящее – о, насколько человечество было бы беднее без меня. Я учу его любить грех и пожары – и полной, полной, полной грудью дышать¹.

Януш Корчак «Молитва художника» из цикла «Молитвы тех, кто не молится»

¹ Корчак Я. Оставьте меня детям... Педагогические записи. М.: АСТ, 2017 (Личный архив). С. 331.

Предисловие

1

Бог Мой, как изменился мир в сравнении с XVII или даже XVIII веками!

Поменялось все: продолжительность жизни, взаимоотношения между людьми, еда, вокзалы, медицина, транспорт... Буквально все!

Кроме школы.

Контент – да, иной. Компьютеров четыре века назад не существовало, и строение атома тогда не изучали. Но суть обучения осталась прежней.

Эта та самая школа, которую великий Иоганн Генрих Песталоцци называл «антипсихологичной». (К слову, Песталоцци жил в конце XVIII – начале XIX веков).

Что это значит – антипсихологичная?

Это когда тридцать совершенно разных людей запикивают в душное помещение и начинают им рассказывать о том, что большинству из них совершенно не интересно. Это когда никто даже не пытается увлечь детей занимательностью поставленных задач, а просто заставляет зубрить то, что учителю представляется важным. Это когда личность ученика

вовсе не имеется в виду.

Такая каменная незыблемость школы – проблема не российской, но мировая. Может быть, наш мир весьма жесток и во многом не гуманен именно потому, что, меняя в нем все, мы не хотим, чтобы перерождалась школа? Разве не очевидно, что обучая ребенка по старой системе, исчисляемой веками, его невозможно подготовить к новой, современной жизни?

Великие педагоги – их было не так много, но они существовали – предоставляли педагогике шанс измениться. Они совершали серьезные педагогические открытия, которые проверяли на практике и описывали в своих книгах. Они были готовы помочь человечеству изменить систему образования. Они не просто знали, как это сделать, но и в своей конкретной практике совершали изменения.

Их не запрещали. Их просто не слышали.

Невозможно представить себе психолога, который бы не знал основных выводов, к которым пришли: скажем, Фрейд, Франкл, Маслоу или Хорни... С этими гениями психологии можно не соглашаться, но профессиональный психолог обязан знать суть их открытий.

Между тем я не встречал ни одного учителя, который мог бы внятно объяснить суть открытий Песталоцци, Корчака или даже Ушинского, который считается основателем русской научной педагогики.

Поэтому мой низкий поклон издательству «Молодая гвар-

дия» – сотруди́никам, отве́чающим за выход книг самой знаменитой книжной серии страны «Жизнь замечательных людей» – за то, что они обратили свой интерес к великим педагогам.

Не так давно в «ЖЗЛ» вышла моя книга об Иоганне Генрихе Песталоцци.

Перед вами – роман о Януше Корчаке.

Мечтаю еще написать о Марии Монтессори – единственном великом педагоге-женщине; единственном педагоге, которую выдвигали на Нобелевскую премию, причем неоднократно.

И тогда удастся рассказать о трех великих учителях, чьи открытия необходимы нам, если мы хотим, чтобы у нас росли свободные дети, умеющие принимать вызовы нового времени. Да и, наконец, если мы просто мечтаем выстроить хорошие, добрые отношения с нашими детьми.

Как любой автор, я мечтаю, чтобы о моем герое – тем более когда он столь потрясающий, как Януш Корчак – узнали, как можно больше читателей. Однако для меня принципиально важно, чтобы эту книгу прочитали папы и мамы, бабушки и дедушки, потому что Януш Корчак сделал несколько важных педагогических открытий, особенно в том, что касается общения с детьми. Открытия эти, без сомнения, пригодятся сегодняшним родителям.

Поэтому в этой книге – не только биография Януша Корчака – самая по себе интересная и захватывающая, но и его

взгляды, принципиально важные для тех, кто хочет воспитывать детей XXI века не так, как их воспитывали в веке XVIII.

Теперь – пару слов об уникальности судьбы Януша Корчака. Судьбы, в которой легенда оказалась сильнее жизни.

2

Как известно, день памяти того или иного святого – это не день рождения, а день смерти. Другими словами: день вхождения в неземную жизнь.

Ей Богу, не будет совсем никаким преувеличением утверждать, что Эрш Генрик Гольдшмит, – всему миру известный как Януш Корчак, – родился 6 августа 1942 года. А именно в те самые мгновения, когда вместе со своими воспитанниками вошел в газовую камеру.

Спросите у любого: «Кто такой Януш Корчак?»

И вам наверняка ответят: «Это тот святой человек, который предпочел спасению из немецкого гетто дорогу в фашистскую газовую камеру рядом со своими воспитанниками».

О Корчаке написано немало – и художественных произведений, и документальных. Все они, как правило, начинаются с тех самых последних героических шагов, которые для нас символизируют начало судьбы.

Вот, берем книгу замечательного исследователя жизни Корчака Бетти Джин Лифтон. И выясняется, что, когда она

начала писать о Корчаке, принимала «трубы соседней пивоварни за дымящиеся трубы крематория»².

Почему?

Лифтон писала обо всей жизни Корчака. Написанная ею книга справедливо считается лучшей биографией великого человека. И тем не менее даже у нее – ассоциации только с последними днями его жизни.

Менее известная, но очень хорошая книга русского исследователя Василия Кочнова «Януш Корчак: Книга для учителя», которая тоже рассказывает обо всей жизни педагога, начинается с такой фразы: «Дорога смерти в Треблинке называлась „Улицей в небо“»³. Опять же, биография начинается с конца. Может, и вправду этот конец – начало судьбы?

А что за рисунок на обложке книги Кочнева? Колючая лагерьная проволока.

Замечательный драматург Вадим Коростылев написал пьесу о Януше Корчаке. Называется «Варшавский набат», и рассказывает, разумеется, о последних днях жизни Корчака, о его подвиге.

Корчак в пьесе Коростылева носит имя Учитель. Незадолго до своей героической гибели, он произносит слова, которые мне до такой степени понравились, что я не могу их не воспроизвести.

² Лифтон Б. Д. Король детей: Жизнь и смерть Януша Корчака. М.: Рудомино; Текст, 2004 (Праведники). С. 13.

³ Кочнов В. Ф. Януш Корчак: Книга для учителя. М.: Просвещение, 1991. С. 6.

«Учитель. Люди, послушайте! Неужели вы надели эту форму, чтобы воевать с детьми?.. Убитые идут за живыми. Если ты убил человека, он идет за тобой всю жизнь. А если ты убил ребенка? За тобой идет взрослый, тот, кем стал бы этот ребенок. Он идет и несет на руках себя, маленького, которого ты убил и не дал ему стать человеком. Неужели вы не понимаете, что дети похожи на весну? Они похожи на маленькие клейкие листочки, которые обязательно должны превратиться в большие листья. Иначе – как дышать? Разве можно убивать будущее, люди?»⁴

Мощные слова, правда? Но все о том же – о последнем подвиге нашего героя.

Великий польский режиссер Анджей Вайда снял фильм «Корчак», в котором роль Корчака исполняет грандиозный артист Войцех Пшоняк.

О чем рассказывает картина? О жизни в гетто и о последнем подвиге.

Так постепенно начинает складываться ощущение, что подвиг Януша Корчака – без сомнения, великий – как бы закрывает перед нами всю его жизни.

3

В совершенно поразительной статье Ольги Медведевой

⁴ Коростылев В. Н. Варшавский набат // Коростылев В. Н. Семь пьес. М.: Искусство, 1979. С. 330.

«Легенда Януша Корчака: структура, истоки» справедливо замечается: «Уже полстолетия имя Януша Корчака становится рядом со словом „легенда“. При этом под легендой обыкновенно подразумевают повествование о том, как Корчак отказался покинуть своих воспитанников из еврейского Дома сирот ради того, чтобы спастись в одиночку, как он прошел с ними последний путь вплоть до трагической гибели в августе 1942 в лагере массового уничтожения в Трешлинке»⁵.

Мы почему-то не говорим о том, что вместе с Корчаком в газовую камеру пошли и другие педагоги и из Дома сирот, организованном Корчаком, и из других учебных заведений.

Корчак был не один.

Пожалуйста, потратьте пару минут, чтобы прочитать фамилии людей, которые не бросили своих воспитанников:

Генрих Астерблум,

Бальбина Гжиб,

Роза Липец-Якубовская,

Сабина Лейзерович,

Наталья Поз,

Роза Штокман,

Дора Сальницкая,

Генрих Аэрилевич.

Каждый из них мог хотя бы попробовать бежать из гетто.

⁵ Памяти Корчака: Сборник статей / Отв. ред. О. Р. Медведева. М.: Российское общество Януша Корчака, 1992. С. 92.

Они этого не сделали. Они взяли детей за руки, и, не устранив истерик, не рыдая, стараясь успокоить, пошли с ними на смерть.

Польский прозаик и поэт Марек Яворский, составивший этот грустный и одновременно героический список, добавляет:

«Были еще и другие:

Анна Геллер...

Д-р Ноэми Вайсман...

Доктор Минцева...

И много, много других»⁶.

Еще раз хочу подчеркнуть: то, что Януш Корчак совершил свой подвиг не в одиночку, вовсе не умаляет значения этого подвига.

Но то, что мы не знаем других людей, которые пытались облегчить последние минуты своих воспитанников – это, безусловно, несправедливо.

4

Самая большая, просто непостижимая несправедливость – это то, что большинство из нас понятия не имеет: вслед за Корчаком вошла в газовую камеру, держа за руку детей, Стефания Вильчинская: его правая рука, его многолетняя по-

⁶ Яворский М. Януш Корчак. Варшава: Интерпресс, 1984. С. 9.

мощница...

Две колонны детей шли в газовую камеру. Во главе одной шел Корчак, во главе другой – Вильчинская.

Вы когда-нибудь слышали эту фамилию?

Стефания Вильчинская, Стефа – самый близкий Корчаку человек. Ее можно было бы назвать женой нашего героя, если бы Корчак не принял «обет безбрачия»: жены, в полном смысле этого слова, как и детей у него быть не могло.

Стефания Вильчинская работала в Доме сирот со дня основания. Более того, когда Корчака призвали на фронт Первой мировой войны, она осталась за руководителя, и в невероятно сложные времена холода, голода и безденежья спасла Дом сирот.

По сути, она делала все то же, что Корчак, разве что книжек не писала. И подвиг ее такой же: пошла с детьми в газовую камеру, хотя ей предлагали множество вариантов спасения.

Не захотела. Не сбежала. Не бросила Корчака и детей. Пошла на смерть, успокаивая своих воспитанников в их последние минуты жизни.

Почему же имя Стефании Вильчинской известно много меньше, чем Корчака. Да, она не писала замечательных книг, но без нее Дом сирот Корчака вряд ли смог бы существовать. И, наконец, как и Корчак, она твердо пошла с детьми на смерть.

Перед самой трагедией Стефания Вильчинская сказала

Корчаку удивительные в своей отчаянности слова: «Пока ты не велишь им умереть, они не умрут»⁷.

Кто знает, быть может, эти слова вспоминал наш герой, когда шел с детьми в газовую камеру, самым своим присутствием как бы говоря им: все будет хорошо? Ведь весь опыт жизни воспитанников убеждал их: если господин Корчак рядом, ничего плохого случиться не может.

Ну почему, почему имя Януша Корчака известно всем, а Стефании Вильчинской только специалистам? Разве она не достойна памяти, памятников?

Достойна. В высшей степени достойный был человек.

Просто жизнь Корчака мифологизирована, а жизнь Стефании Вильчинской – нет. Так уж получилось.

Замечу: миф – это не в коей мере не вранье. Миф – эта такая удивительная правда, которая превращается в легенду. И тут уж ничего не поделаешь: у некоторых превращается, у некоторых нет. И помним мы, как правило, не просто тех, кто совершил подвиг, но тех, чья жизнь мифологизирована.

Ольга Медведева в своей – повторю: совершенно замечательной статье – размышляет о том, почему возникла легенда о Корчаке.

«Итак, в легенде Корчака учтены многие законы жанрового сложения: осуществлена мифопоэтическая модель мира, реализованы неперенные элементы ее морфологии, воспроизведены традиционные мифологические схемы; персо-

⁷ Памяти Корчака: Сборник статей. С. 98.

наж героизирован, специфически организовано пространство, реально отождествлено с метафорическим и т. п. Все строится на типичной игре реального и имагинативного⁸, конкретика абстрагирована, предметы превращены в символы, причины и следствия связаны произвольно и порождают чудо, „очудесниваются“⁹.

Получается: жизнь Корчака – особенно в последние годы, годы Второй мировой войны – была такова, что дала возможность на ее основе создать легенду. Другими словами: превратить поступки в символы. Ни заслуги, ни тем более вины самого Корчака тут нет. Просто в его жизни и в его посмертной славе обстоятельства сложились так.

А у Стефы, у других педагогов, которые пошли с детьми в газовую камеру – иначе. Вот и все.

5

Легенда, миф – обязательный атрибут жизни ушедшего гения. И часто уже не разберешь: что из того, что мы знаем о человеке – историческая правда, а что миф.

Это было бы нормально, если бы не одно «но». Подчас легенда становится настолько притягательной, что закрывает собой реального человека, его сложности и достоинства, его подлинные искания, печали и радости.

⁸ Психический процесс, связанный с фантазией, придумыванием.

⁹ Памяти Корчака: Сборник статей. С. 105.

Один пример.

Кто такой Александр Матросов? Все знают. Девятнадцатилетний парень, закрывший своим телом амбразуру вражеского пулемета и давший возможность однополчанам пойти в атаку.

Герой?

Без сомнения. Не обсуждается.

А что успел герой за свои девятнадцать лет?

Оказывается, многое. Матросов был, мягко говоря, подростком трудным, попросту говоря: отпетым хулиганом. Дважды сидел в колонии, где и встретил войну. Просился на фронт – его не отпускали. Наконец, вступил в комсомол, что для него являлось поступком не формальным, а важнейшим, во многом символическим: Матросов прощался с прошлой жизнью, которую у него хватило духа переосмыслить, и от которой хватило сил и разума отказаться.

Понимаете, сколько всего напроисходило в жизни парня, о котором мы знаем только одно: он закрыл своим телом вражеский пулемет?

И подобных примеров множество.

У Корчака за плечами – не 19, но 60 с лишком лет. Он опубликовал 24 книги. И более тысячи журнальных и газетных статей, подавляющее большинство которых посвящено проблемам воспитания.

Можно ли говорить, что итог его жизни: газовая камера в фашистском концлагере, куда он вошел со своими воспи-

танниками?

Возможно, с человеческой точки зрения это и так. Однако, в чем его заслуга как педагога? Только в великом примере?

Нет, разумеется. Я бы сказал, что главная заслуга педагога Януша Корчака состоит в том, что он выработал, проверил на практике и описал в своих книгах новую философию взаимоотношений детей и взрослых.

Более современной и, если угодно, актуальной философии не существует.

6

Автор биографии Корчака Бетти Джин Лифтон, заметила: «Корчак писал о жизни так, будто она была странным сном, и, когда я начала узнавать про его жизнь, моя собственная порой тоже стала казаться нереальной»¹⁰.

Осмысление собственной жизни под взглядом Корчака? Лично я против этого ничего не имею.

Его теория, его выводы, его практика, и даже его противоречия, абсолютная «несахарность» и его судьбы, и его характера довольно серьезно повлияли на меня. Разве может быть иначе, когда встречаешься с человеком необыкновенным, во многом противоречивым и, без сомнения, великим?

¹⁰ Лифтон Б. Д. Указ. соч. С. 13.

Поэтому я надеюсь, что и на читателя книги встреча с Корчаком тоже окажет свое воздействие.

Великие педагоги – они такие. Они продолжают влиять на людей даже после своей жизни.

В знаменитую серию «Жизнь замечательных людей» я пишу именно о Януше Корчаке – педагоге. Хотя кто-то, возможно, больше бы уделил внимания его писательской работе.

Да, у него хорошая проза. Хотя можно много и долго спорить: находится ли она в одном ряду, например, с «Питером Пэном», «Винни-Пухом», историями про муми-троллей, жителями Изумрудного города или Гарри Поттером?

Но в конечном счете не это важно. Практически все художественные произведения Януша Корчака – это книги, написанные человеком, которого больше всего на свете волнуют проблемы образования и воспитания. Писал ли он публицистику или историю про короля Матиуша – его волновали вопросы воспитания. Он всегда оставался педагогом. Это была не просто работа, но – подлинное призвание.

«Мне и в школе не давались сочинения»¹¹, – однажды вздохнул наш герой.

Самокритичное, самоироничное высказывание. «Сочинения» ему прекрасно давались. Педагогические сочинения.

¹¹ Корчак Я. Несерьезная педагогика. М.: Самокат, 2015. С. 18.

Итак, меня интересует именно Януш Корчак – педагог. Его взгляды на воспитание, на взаимоотношения детей и взрослых, его практическая деятельность, которая позволила все эти взгляды не только реализовать, но и проверить.

До того как совершить свой великий, легендарный подвиг Януш Корчак прожил 64 года.

Уверяю вас, это вовсе не была жизнь ангела, который всю жизнь готовится к совершению подвига. О нет! Януш Корчак – абсолютно живой человек, который мучительно искал себя, причем всю жизнь. Вершил прекрасные дела и странные, обожал детей и весьма мизантропически относился к взрослым. Был нежнейшим и умел становиться жестким. Романтичным и практичным. Как любой гений: противоречивый.

Вот такой человек «до подвига»...

Понять бы...

А знаете, иногда мне представляется, будто нет никакого прошлого. Какого-то такого «общего – всеобщего» прошлого не существует. А просто ты оглядываешься назад, вглядываешься в темноту ушедшего, и оно возникает. Прошрое.

Но под светом именно твоего взгляда.

Мой Януш Корчак. Постепенно и не сразу возникающий в прошлом. Запотевшее окно. Аккуратно вытираешь, светишь взглядом – возникает из темноты.

Мой Корчак. Таинственный и противоречивый. Абсолютно неоднозначный. Никакой не милый старичок. Обожающий детей – об этом все пишут. Ненавидящий взрослых – на это мало кто обращает внимания.

Гений, чьи открытия так нужны нам сегодня.

Безумец, подчас изводивший своих близких.

Писатель и педагог. Врач и учитель.

Мой Корчак.

Объективный? Субъективный? Похожий? Не похожий?

Не знаю...

У меня просто нет другого.

9

И последнее.

Книги Корчака широко известны в нашей стране.

Однако интересно, что в сталинские и даже послесталинские времена – с 1929 по 1961 год – произведения Януша Корчака в СССР не издавались вовсе. Именно в это время он оказался совершенно не нужен.

На самом деле с точки зрения большевицкой идеологии решение вполне разумное. Корчак – про индивидуальное,

про воспитание свободной личности, про человека, который отвечает за самого себя...

Ну и к чему это все в сталинские времена, когда за все – в том числе и за жизнь людей – отвечает партия?

«Надо, чтобы дети переживали все коллективно, – писала знаменитый советский коммунистический педагог Надежда Крупская, – и, благодаря этим коллективным переживаниям, учились бы коллективно чувствовать... Это будет много полезней сострадания к ним воспитателя»¹².

Как вам такой подход? Как вам нравится коммунистическое воспитание коллективных чувств? Замечу: не мыслей, а чувств.

Конечно, Корчак, который всеми своими книгами, призывает видеть в ребенке индивидуальность – тут ни при чем.

Книги Корчака вновь появились на русском языке в период оттепели, но особый бум произошел во время перестройки конца XX века. В своей статье «Размышляя о Корчаке» его переводчица Наталья Подольская приводит такие удивительные цифры: «В 1989 г. издательство „Правда“ выпустило его [Корчака] избранные произведения полумиллионным тиражом. В Издательстве политической литературы в 1990 г. вышел том его педагогических сочинений и тоже большим тиражом (300 тыс. экз.)... Один только „Король Матиуш“ и „Матиуш на необитаемом острове“ с 1972 по 1990 г. разошелся тиражом примерно в полтора миллиона

¹² Цит. по: Памяти Корчака: Сборник статей. С. 209.

экземпляров»¹³.

Невероятные цифры!

Книги Корчака становятся особенно необходимы тогда, когда общество задумывается о воспитании индивидуально-стей, личностей.

Если вы – папы – мамы; бабушки – дедушки думаете об этом, вам без Корчака не обойтись.

Итак, имя Корчака известно, благодаря легенде: учитель, который вошел в газовую камеру со своими учениками.

Абсолютно правдивая легенда, возвышающая жизнь нашего героя. Но она закрывает жизнь Януша Корчака – человека, столь же великого, сколь и противоречивого.

Поклонимся и повернемся к человеку.

Попробуем его понять, как бы это ни было трудно.

Приближаясь к невероятному человеку, мы, глядишь, пойдем что-то и про самих себя, и про своих детей, и про то, как выстраивать нам с ними отношения.

Легенда – это своего рода занавес, закрывающий жизнь.

Откроем его осторожно и с почтением.

Что за ним?

¹³ Памяти Корчака: Сборник статей. С. 208.

Часть первая

Начало

Глава первая

Детство

1

Самый знаменитый роман Януша Корчака про короля Матиуша начинается с замечательной фразы: «Дело было так»¹⁴.

Правда, хорошая фраза? Обязывающая. Вызывающая доверие. Корчак, когда писал о своем любимом Матиуше, знал, как было дело. Я, когда пишу о своем любимом Корчаке, многого не ведаю.

Например, день рождения героя известен точно, а год – нет.

Как такое может быть? Человек все-таки относительно недавно родился... Как можно год рождения не знать? Не до

¹⁴ Корчак Я. Король Матиуш Первый: Король Матиуш на необитаемом острове: Повести-сказки. Кишинев: Литература артистикэ, 1986. С. 4.

нашей эры, чай, дело происходит.

Корчак не раз сетовал, что отец его несколько лет не мог оформить ему метрику, а когда наконец пришел это делать – сам позабыл, в каком именно году родился его сын.

Что сказать? Папа нашего героя был человеком странным. Жизнь свою он закончил в сумасшедшем доме, и смерть его была весьма таинственна.

Однако не оформлять своему сыну метрику столь долго, чтобы самому забыть: в каком именно году родился твой потомок...

Что тут можно добавить? Разве что: без комментариев.

Когда родители будущего гения педагогики познакомились, Юзефу Гольдшмиту было 30 лет. Он являлся довольно известным в Варшаве юристом с обширной практикой, то есть с неплохим заработком.

Маме, Януша Корчака, Цецилии исполнилось всего семнадцать.

Очевидно, что вопрос «кто в доме главный?» в семье Гольшмитов не стоял. И если папа не берет метрику – значит, не берет. Никто настаивать не станет. Все, что могла сделать мама – это назвать поведение отца «преступной халатностью» и этим ограничиться.

В результате, правда, Януш Корчак до конца жизни не знал: родился ли он 22 июля 1878 года, или 22 июля 1879.

2

Смею вас уверить, что, когда мы начинаем знакомиться с нашим героем, загадка с годом рождения – не единственная.

Вот, пожалуйста, еще одна: как правильно писать фамилию: Гольдшмит или Гольдшмидт? Тут тоже, оказывается, есть неясности...

В Википедии, а также в книге Бети Джин Лифтон «Король детей», написано ГольдшмиДт с предпоследним «д».

Во всех остальных – Гольдшмит. Польский вариант пишется так: Henryk Goldszmit. Никакого «д» на конце нет. Так будем писать и мы: Генрик Гольдшмит. Тем более что дома нашего героя называли не иначе как Генрик.

Или все-таки – Хенрик? Через «Х», а не через «Г»...

Море загадок!

3

Банальность – это абсолютная истина. От того и раздражает.

«Мы все родом из детства»... Банально. Истинно. Раздражает своей очевидностью.

Приятно заметить, что очевидность эта к Янушу Корчаку отношения почти не имеет. То есть у него было, разумеется,

детство, однако родом он, скорее, не из него, а из того периода, когда детство заканчивается.

Финал детства, обрушившийся на него, как ураган...

Отец сначала сходит с ума, а потом умирает в психбольнице странно и не до конца понятно – вот обстоятельства детства и юности, сформировавшие нашего героя решающим образом.

До этого все было хорошо.

Прекрасное детство ребенка из обеспеченной семьи: кухарка, горничная, няня – пани Мария.

Кроме них: мама, бабушка, младшая сестра Анна. Наш герой растет в мире женщин, которые любят его и балуют.

Теплое нежное детство.

Во главе дома – отец. Серьезный юрист. Автор монографии «Лекции о бракоразводном праве по положениям Закона Моисея и Талмуда».

До отцовской болезни отношения с папой были, скажем так, противоречивые. Вот как Корчак, уже много позже, описывает их в дневнике:

«Справедливо было, что мама неохотно доверяла детей заботам отца, и справедливо [было то, что] мы – сестра и я – с трепетом восторга, с порывом радости встречали и вспоминали [потом] даже самые напряженные, изматывающие, неудачные и печальные последствия „удовольствий“, которые с поразительной интуицией находил не слишком уравновешенный педагог – папуля.

Он больно таскал нас за уши, несмотря на суровые предостережения мамы и бабушки:

– Вот оглохнет ребенок – сам будешь виноват!»¹⁵

Но зато в памяти остались прекрасные мгновения катаний с папой на лодке. В лодке отец почему-то никогда не нервничал, и с ним можно было обсуждать что угодно. Он был словоохотлив и даже как будто интересовался тем, что думает и говорит сын.

В доме поговорить не удавалось еще и потому, что он всегда был полон отцовскими клиентами.

Иногда папа зовет сына, ставит на табурет и заставляет читать наизусть стихи. Как правило, Мицкевича. И непременно – на польском языке.

Samotnosci! do ciebie biege jak do wody
Z codziennych zycia upalow...

О чем читал маленький мальчик? Об одиночестве, о любви, о свободе... Стоял на табуретке и декламировал. Как и большинство детей, терпеть этого не мог. Но старался. Чтобы папа не ругался. И мама не расстраивалась.

Одиночество! Зноем житейским томим,
К твоим водам холодным бегу я
И с каким наслаждением, с восторгом каким

¹⁵ Корчак Я. Оставьте меня детям... С. 37.

Погружаюсь в прозрачные, чистые струи!^{16, 17}

Папе было приятно, что его ребенок читает наизусть классика польской литературы.

Вообще, мне кажется, что, когда детей заставляют читать стихи с табуретки, это делается не столько для возвышения самого ребенка, сколько для радости родителей, для того чтобы они могли похвастаться – какой у них замечательный растет сын.

Папа – известный юрист гордится перед коллегами своим отпрыском. Мама не имеет голоса, чтобы своего сына защищать. Да, может быть, не видит ничего предосудительного: Генрик читает великого польского поэта. Поди плохо!

Знакомая ситуация. Даже банальная.

4

Табуретка. Гости. Декламация стихов. Поклон. И – бежать к себе в комнату. Ото всех. К манящему, а не тоскливому одиночеству.

«Я был ребенком, „который часами может играть один“, ребенком, о котором никто не знает, дома ли он. Кубики (кирпичики) я получил, когда мне было шесть лет; играть с

¹⁶ А. Мицкевич «Одиночеству». Перевод Бориса Турганова.

¹⁷ Мицкевич А. Poezje: Поэзия. Варшава: Czytelnik, 1983. С. 134–135.

ними я перестал в четырнадцать»¹⁸.

В кубики (которые он сам почему-то называл «кирпичики») наш герой играл странно. Конечно, что-то такое из них мастерил, однако смыслом игры являлось вовсе не строительство.

Для него кубики были... живыми. Он задавал им вопросы и даже, кажется, выслушивал ответы. Играя в свои кирпичики, он общался с ними. Строил фантазийные здания, по сути, – из живых существ.

Не правда ли, это чем-то напоминает работу педагога: живые существа, из которых ты должен построить некую жизнь, которая тебе кажется важной и интересной?

Не этим ли потом будет заниматься в своем Доме сирот директор пан Корчак?

Играть в кубики до четырнадцати лет – конечно, странная история. Папа был больше занят собой и своим делом, и на эту странность своего сына особого внимания не обращал. А мама сердилась.

Мама вообще часто сердилась. Например, за то, что ее сыну, кажется, вообще все равно с кем общаться: с детьми бедняков или с детьми других юристов. Не умеет ее сын правильно находить себе достойную компанию.

Мама – человек добрый, не грубый. Нередко даже бывает нежной. Жизнь своему сыну не портит. Даже старается быть ближе к сыну, но особого понимания между ними не возни-

¹⁸ Корчак Я. Оставьте меня детям... С. 101.

кает.

Тут ведь какое дело: мама может быть просто мамой, а может быть другом. Дружить с Цецилией у Корчака, кажется, не получалось.

В каждом рабочем кабинете Корчака на столе непременно стояла мамина фотография. Корчак много раз обещал – и себе, и публике – что еще непременно о ней напишет. Непременно и подробно. Обязательно. Очень хочется. Важно. Напишет. Вот-вот. Сядет за стол и...

Не написал.

И вдруг – на самом деле, вдруг – в книге «Когда я снова стану маленьким» прорываются такие вот, совершенно исповедальные слова: «Детям кажется, что взрослому мама не нужна, что только ребенок может быть сиротой. Чем старше люди, тем реже бывают у них родители. Но и у взрослого много таких минут, когда ему тоскливо без матери, без отца, когда ему кажется, что только родители могли бы его выслушать, посоветовать, помочь, а если надо, то и простить, и пожалеть. Значит, и взрослый может чувствовать себя сиротой»¹⁹.

Такая вот, ничем не прикрытая тоска по родителям. По тем ли, которые были и ушли... А, может быть, по таким, которых в реальности и не существовало вовсе, но о которых всегда мечталось?

¹⁹ Корчак Я. Когда я снова стану маленьким. М.: Махаон; Азбука-Аттикус, 2021. С. 49.

Вдруг прорвалась в повести подлинная и вечная детская тоска. Каплей. Фрагментом. Выдохом. Однажды – раз! – и всё. Однажды... Больше к этому не возвращался.

Мама как одна из героинь повести «Когда я снова стану маленьким» – выглядит вполне себе неприглядной представительницей взрослого, несправедливого, скучного мира, который так не любил и герой повести, и сам Корчак.

Мама не понимала его увлечение кубиками, ругала за то, что не умел выбирать товарищей... Кажется, никогда она не была не только его главным советчиком, но и собеседником.

Во взаимоотношениях сына и матери что только ни возникало: и нежность, и непонимание, и любовь, и усталость, и даже всепоглощающее чувство вины, которое на всю жизнь накрыло Корчака после смерти Цецилии.

Однако близкими друзьями, заинтересованными собеседниками они не были друг для друга никогда.

Мама – это мама. А собеседники – совсем иные люди. Так получается.

5

«Я много говорил с людьми: со своими сверстниками и с намного более старшими, взрослыми. В Саксонском саду у меня были партнеры – старики. Мной восхищались. Фило-

соф»²⁰.

Подростку, который любит размышлять, необходимы собеседники. Пусть не дома – с родителями, пусть – в Саксонском саду, но находились те, с кем можно было пофилософствовать.

Размышляющий о жизни мальчик, который любит поговорить. Образ, как говорится, понятен.

Однако стоит перевернуть одну (!!!) страницу и читаем то, что, казалось бы, противоречит только что прочитанному.

«Я разговаривал только с самим собой (курсив мой. – А. М.). Потому что говорить и разговаривать не одно и то же. Переодевание и раздевание – это две разные вещи. Я раздеваюсь наедине с собой и говорю наедине с собой»²¹.

Секунду. «Я много говорил с людьми», и «я разговаривал только с самим собой» – что из этого правда?

Одинокий подросток, которому не с кем поговорить? Или парень, который легко находит общий язык со стариками и философствует с ними?

Нам ведь надо попробовать поймать образ юного Корчака, а тут – совсем разные образы получаются.

Читая книги Корчака, иногда начинает казаться, что всю жизнь Януш Корчак только и делал, что говорил с самим собой. Сверстники, старики в Саксонском саду, кубики-кирпичики, папа на лодке и мама с претензиями – все это не

²⁰ Корчак Я. Оставьте меня детям... С. 102.

²¹ Корчак Я. Оставьте меня детям... С. 102.

столько участники бесед, сколько свидетели вопросов, которые мальчик себе задает и на которые сам ищет ответы.

С юных лет к самым главным, самым интересным выводам своей жизни Корчак приходил в собственных размышлениях и в своих книгах. Думаю, главное, что двигало его писательским пером: не стремление донести что-то до читателя, но желание отыскать ответы на вопросы, которые он считал главными.

Искренность и исповедальность – это, наверное, самые притягательные черты книг Корчака.

Мама нашего героя удивлялась, что у сына ни на грош нет самолюбия. Ему все равно, как он одет, и с детьми какого круга играет.

И снова – пример материнского непонимания. Его самолюбие было в ином: в поиске важнейших вопросов и попытках найти ответы.

Этим Януш Корчак будет заниматься всю жизнь.

6

Человек, который сам для себя – главный собеседник.

Несмотря на определенную умозрительность этого вывода, подозреваю, что это – правда. Точнее, стало правдой с возрастом.

Потому что, когда человек маленький, ему непременно нужен кто-то, кого можно спросить обо всем и получить от-

вет. Не свидетель твоей беседы с самим собой, но подлинный участник.

Главным собеседником маленького Генрика была бабушка Эмилия. Только с ней мальчик мог поделиться абсолютно всем. И спросить совершенно обо всем.

Однажды рассказал бабушке свой план переустройства мира. Десятилетнему Корчаку хотелось, чтобы наступила всеобщая справедливость. И казалось, так просто этого добиться: надо просто выкинуть все деньги. Уничтожить деньги. Истребить. Вот и все.

– Куда выкинуть? – растерялась бабушка.

– Не важно. Важно, чтобы денег не существовало. И тогда не будет грязных, оборванных детей, с которыми мне нельзя играть во дворе. Тогда все будут равны.

Бабушка усмехнулась. Объяснила, что в этом случае начнется хаос.

Хаос? Что такое? Слово непонятное, сложное. Пришлось выяснить у бабушки, что оно означает.

Кстати, множество новых слов наш герой узнавал именно от Эмилии. Она никогда не смеялась над его незнанием, всегда умела всё доходчиво объяснить.

Бабушке верил абсолютно. Если Эмилия говорила, что идея – плохая, значит, так тому и быть.

Расстроился, конечно. Пошел думать, как же быть со справедливостью.

Возвращался к бабушке с новыми вопросами и идеями.

Она усаживала его перед собой, и начиналась очередная беседа.

Эмилия умерла, когда Генрику исполнилось 14 лет. Он довольно долго ходил к ней на могилу, садился и разговаривал. Да, бабушка перестала быть участником – была только свидетелем. Но можно легко нафантазировать, чтобы она могла ответить на любой вопрос.

Собеседника – подлинного участника разговора, а не наблюдателя – Корчаку не хватало всегда. Всю жизнь.

Задумчивый мальчик, мечтающий о переустройстве мира...

Как правило, такие мечты погибают вместе с детством. У Януша Корчака получилось по-другому: он воплотил их в своей знаменитой книге «Король Матиуш Первый». Не только в ней, но в «Матиуше» особенно мощно.

«Восстаньте и добивайтесь свободы! Долой взрослых королей! Провозгласите меня королем всех детей мира – белых, желтых и черных! Я предоставляю вам полную свободу. Дети, объединяйтесь для борьбы против тиранов взрослых! Да здравствует новый справедливый строй!»²²

Мечты, идущие из детства. Как прекрасен взрослый, который сумел сохранить их, оставить живыми, будоражащими душу!

Но до этого всего надо дожить, дострадать, до... дочитать чужие книги.

²² Корчак Я. Король Матиуш... С. 286.

Чужие книги – если они правильные – очень способствуют появлению собственной мечты.

Корчак признавался, что в 15 лет впал в безумие яростного чтения. В мире для него не существовало ничего, кроме книг.

Что же именно мог читать в самом начале XX века подросток, живущий, кстати говоря, в Российской империи, ибо в те годы Польша была ее частью?

7

Конец XIX – начало XX века – рождение и расцвет детской литературы.

Детская литература становится самостоятельным жанром. И даже такие великие критики, как Белинский и Добролюбов высказывают о ней свое мнение.

Толстой, Пушкин, Стивенсон, Крылов, Киплинг, Майн Рид, Тургенев... И так далее. Классики, гении. Конечно, наш герой их читал. Мама следила, чтобы сыну попадали правильные книги.

Однако самыми читаемыми в ту пору являлись вовсе не классики. Почему-то любая эпоха непременно прибавляет к великой литературе какой-нибудь «бестселлер», которым зачитываются десятков-другой лет, а потом забывают.

Самая знаменитая книга того времени «Степка-Растрепка» – про мальчика сорванца и хулигана. Серьезные лите-

раторы ругали приключения Степки, которые представлялись взрослым нелепыми, глупыми и педагогически несостоятельными. А дети зачитывались потому, что видели в этом самом Степке-Растрепке похожего на себя парня, понятно-го, с которым хотелось дружить.

Самый известный писатель того времени, без сомнения, Лидия Чарская – автор сентиментальных романов о первой любви, о непонимании детей и родителей. Мало кто из писателей и до, и после нее умел так выжимать слезу из читателей. К тому же она еще писала сказки и стихи.

После Октябрьской революции в СССР книги Чарской попали под запрет, но в начале прошлого века ею зачитывались все подростки и их мамы. Папы Чарскую не очень любили.

Выходило много познавательных книг, которые очень любил маленький Генрик. Например, серия «Детство знаменитых людей». Или книга «Двенадцать месяцев, или Взаимное круговращение жизни». Или вот еще одна, с чудесным названием: «Разговоры нянюшек с детьми».

Состоятельные люди должны были читать журналы, и Гольдшмиты это делали. Журналы были детские и взрослые. Они печатали прозу, поэзию, и просто занимательные тексты.

Один, например, назывался «Семейные вечера». Ее начала издавать фрейлина императорского двора Мария Ростовская под покровительством самой императрицы Марии

Александровны. Уровень журнала, понятно, был довольно высок, в нем печатались серьезные авторы.

8

В общем, происходило у нашего героя нормальное детство мальчика из обеспеченной семьи. В детстве этом в меру случалось одиночества, в меру – мечтаний, в меру – книг, в меру – познания.

Нормальная жизнь ребенка.

Как правило, детство заканчивается тем, что ты идешь в школу...

Школа...

Раз! И ты больше не принадлежишь себе, у тебя появляется множество обязанностей, в том числе и нелепых, но неизменных для выполнения.

«Самое воспитание, если оно желает счастье человеку, должно воспитывать его не для счастья, а приготовить к труду жизни»²³ – так считал Ушинский – безусловный наш российский классик, основатель русской научной педагогики.

Вот ведь оно как получается. Ты рождаешься, и в детстве – по мере сил своих и понимания, стараешься стать счастливым. Позже Корчак напишет, что ребенок отличается от взрослого тем, что ничего не добивается, а просто живет.

²³ Ушинский. К. Д. Моя система воспитания: О нравственности. М.: АСТ, 2018. С. 240.

Живет, из-за всех сил стараясь радоваться просто самому факту жизни.

А потом – хоп! – школа. И тут уже про счастье нельзя говорить. Неправильно. Тут уже про труд и обязанности.

Вырос, значит.

Однако у нашего героя все получилось не совсем так. Он вырос не тогда, когда пошел в школу, но чуть позже.

Именно на школьные годы выпала трагедия, которая, во многом, определила всю его жизнь.

Впрочем – по порядку.

Глава вторая

Чужие школы и родной отец

1

Родители отдали Генрика Гольдшмита в начальную подготовительную школу в 1885 году. Мальчику было семь лет (или шесть).

Юзеф и Цецилия вполне могли этого не делать. В те годы дети богатых родителей нередко начинали учебу дома, с репетиторами. Семья преуспевающего юриста Гольдшмита могла себе это позволить.

Но не стала. У юриста все привычно делалось по правилам: и раз уж ребенок должен идти в школу, значит, так тому и быть...

И маленький Гольдшмит отправился учиться.

Это очень важно: какой будет первая школа будущего великого педагога. Ведь захочется переделывать то, что он увидел в детстве. Или не захочется. Но безусловно: то, что впитано с детства остается в человеке навсегда.

Мальчик нашел в школе ровно то, о чем другой гений педагогики – Иоганн Генрих Песталоцци – писал примерно за 80 лет до прихода Генрика в школу: «Школьное обучение,

не проникнутое тем духом, который требуется для воспитания человека, и не основанное на самой сущности семейных отношений, на мой взгляд, ведет ни к чему иному, как к искусственному уродованию людей»²⁴.

Наш юный герой и попал как раз в такое место, где уродовали детей.

В школе все строилось на страхе. Перед детьми ставилась одна задача: четко повторять все, что сказал преподаватель. Чтоб никакой инициативы и никакой отсебятины. Учеба заменялась зубрежкой.

Повторил? Молодец! Не смог? Наказание. Вполне вероятно: физическое.

«Помню, как одного мальчика там наказывали розгами, – позже вспоминал Корчак. – Его бил учитель чистописания... Я тогда сильно испугался. Мне показалось, что когда его выпорют, то непременно схватят и меня. И это было очень стыдно, ведь мальчика били по голому месту. Это было в классе, при всех, вместо урока по чистописанию»²⁵.

Дома Генрика Гольдшмита никогда не били. Уши папа выкручивал, бывало. Иногда, сорвавшись, мама могла дать подзатыльник.

Но такого, чтобы при всех снять штаны и пороть... О нет!

²⁴ Песталоцци И. Г. Избранные педагогические сочинения: В 2 т. / Под ред. В. А. Ротенберг, В. М. Кларина. М.: Педагогика, 1981 (Педагогическая библиотека). Т. 2. С. 53.

²⁵ Цит. по: Кочнов В. Ф. Указ. соч. С. 26.

Подобное даже трудно было себе представить.

В семь лет человек впервые увидел, что бывает такая экзекуция. Ощутил не просто шок, но подлинный ужас.

В атмосфере постоянного ужаса проходили школьные дни. Впоследствии, создавая свой Дом сирот, Януш Корчак очень хорошо будет знать, как не надо учить детей, какой атмосферы не должно быть в его Доме.

Ему будет совершенно ясно: неуважение к детям не только отвратительно по сути, но и бессмысленно: если в ребенке не видят человека, он не сможет ничему обучиться потому, что его постоянно будет сковывать страх.

2

После окончания начальной школы, которая осталась в памяти сплошным чередованием страха и ужаса, Генрик отправился в 7-ю Городскую гимназию Варшавского учебного округа Министерства народного просвещения России.

Нашел там то же самое, что в школе начальной: атмосфера постоянной боязни, подчинения, рабства.

Обучение велось на русском языке, польский преподавали как иностранный. Что для польских детей, разумеется, сильно усложняло обучение.

Строгость – вот главное слово, характеризующее жизнь в гимназии. Ученик постоянно находился под наблюдением педагогов, я бы даже сказал: под неким увеличительным пе-

дагогическим стеклом.

Если, например, гимназист хотел пойти в театр – должен был написать заявление, на котором дирекция ставила резолюцию. И могла даже запретить поход, если, скажем, считала спектакль не полезным.

На уроках полагалось сидеть абсолютно тихо. Лишние вопросы не поощрялись. Вообще, ученик имел право молвить слово только при условии, что его спросят. В остальное (основное) время – внимать в тишине педагогу.

По сути, все в гимназии делилось на рабов (ученики), которые не имели права ни на что; и рабовладельцев (учителя), которые имели право на все.

Позже мы узнаем, что в своем Доме сирот Корчак организовал... товарищеский суд чести, куда в поисках справедливости мог обратиться любой ученик. Директору Дома сирот было принципиально важно, чтобы в суд подавали и на него тоже, как и на других преподавателей. Это и по сегодняшним-то временам – смело, а, представляете, какой психологический барьер Корчаку пришлось преодолеть в начале XX века?

Наказания в гимназии тоже были весьма суровые.

«Хотя и не таскали уже за волосы и не пороли розгами, но учителей мы боялись, – свидетельствует Корчак. – После уроков провинившегося запирали в классе. Был еще там и карцер – подвальная тюрьма (Представили, да? В школе – подвальная тюрьма. – А. М.). Карцер остался с того време-

ни, когда наша гимназия была военным училищем. В карцер сажали за особые проступки»²⁶.

3

Можно ли учиться в таких условиях?

Можно. Многие так и делали. Но не наш герой. Он вообще с большим трудом занимался тем, в чем не видел ни смысла, ни радости.

Не случайно, скажем, свою главную книгу о воспитании «Как любить ребенка» он писал во время войны. Война ни смысла, ни радости не приносит – это понятно. Что делать? Придумать такое занятие, которое даст и то и другое.

Вообще, я заметил, что среди великих людей нет рабов, есть только творцы.

В чем разница: раб – творец?

Раб – тот, кто подчиняется обстоятельствам. Творец – тот, кто сам строит свою жизнь. Подчиняться обстоятельствам можно радостно и безрадостно. Строить свою жизнь – только с удовольствием.

Корчак всегда был строителем, творцом. Даже в фашистском гетто он сумел сотворить своим воспитанникам настоящий праздник, что кажется совершенно невыносимым.

Поэтому так невыносимы для Корчака стали годы школь-

²⁶ Кочнов В. Ф. Указ. соч. С. 27.

ной учебы, где все строилось на страхе и абсолютном подчинении бессмысленным указаниям.

Как это, возможно, ни покажется парадоксальным, но пережить бессмысленный пресс школьных лет в немалой степени помогла душевная болезнь отца. Она была настолько чудовищна сама по себе и к тому же принесла такое количество проблем, в сравнении с которыми придирки школьных учителей и оценки в аттестате казались чем-то не просто неинтересным, но уж вовсе незначительным.

4

Первый приступ случился у отца, когда Генрику было 11 лет. Мальчик дернул папу за рукав, и Юзеф ни с того ни с сего закричал так, что, казалось, рухнут стены.

Приступы начали повторяться. Отец стал вести себя неадекватно, странно, непонятно... Разговаривая с отцом, Генрик не всегда понимал: Юзеф находится в нормальном состоянии или нет.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.